

Е. А. МИШИНА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
kmishina@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ОТРИЦАНИЯ НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ФОРМ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ*

В работе анализируется взаимодействие отрицания и глагольного вида в древнерусском языке. Отрицание оказывается фактором, способным влиять на выбор совершенного или несовершенного вида в ряде контекстов. Такое влияние затрагивает в древнерусских памятниках формы презенса, имперфекта, действительных причастий, императива и некоторые другие. В частности, отрицание оказывается благоприятным условием для употребления совершенного вида: в отрицательных контекстах древнерусские тексты демонстрируют более свободную, по сравнению с современным русским языком, конкуренцию между СВ и НСВ, при этом различия в употреблении отрицательных форм разного вида объясняются прежде всего аспектуальной семантикой. В некоторых случаях отрицание может нивелировать противоречия, возникающие между значением вида и значением времени, чем обуславливается нестандартное употребление ряда видо-временных форм, а также быть причиной появления дополнительных семантических наращений у форм СВ под отрицанием, что делает формы СВ эмфатически более нагруженными. В целом историческое развитие оппозиции СВ : НСВ в контекстах с отрицанием шло в направлении сужения функционирования форм СВ.

Ключевые слова: глагольный вид, отрицание, совершенный вид, императив, перифрастический императив, имперфект, причастие, настоящее время, древнерусский язык.

Настоящая работа посвящена исследованию взаимодействия отрицания и глагольного вида в древнерусском языке. Отрицание оказывается фактором, способным в ряде контекстов влиять на выбор совершенного (далее — СВ) или несовершенного (далее — НСВ) вида. В некоторых случаях отрицание может нивелировать противоречия, возникающие между значением вида и значением времени. Такое влияние затрагивает в древнерусских памятниках прежде всего функционирование форм СВ, анализируемых в настоящей статье: презенса (п. 1), имперфекта (п. 2), действительного причастия настоящего времени (п. 3), императива (п. 4), перифрастического прохибитива (п. 5).

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-012-00241).

1. Перфективный презенс с отрицанием

В отношении употребления перфективного презенса следует разграничить случаи, когда имеет место референция к конкретной ситуации, актуальной в настоящий момент, (*Он никак не отдаст мне долг*, см. п. 1.1) или же к обобщенной вневременной ситуации (*Он никогда вас не обманет*, см. п. 1.2). В первом случае отрицание обязательно и является необходимым условием реализации данного значения [Зализняк Анна 2015а: 316], во втором — нет (возможно употребление и без отрицания: *В этой конторе вам никогда не ответят по существу дела / В этой конторе Вам всегда ответят по существу дела*). В статье будут рассматриваться только отрицательные контексты¹.

1.1. Референция к конкретной ситуации, актуальной в настоящем («презенс напрасного ожидания»)

А. А. Зализняком на материале берестяных грамот, а также других письменных источников древнерусского языка было выделено и описано в качестве особого типа употребления презентных форм от глаголов СВ² в сфере неактуального настоящего значение так называемого «презенс напрасного ожидания» [Зализняк 1990; 1993]. «Под этим условным наименованием объединяются случаи, когда презенс от глагола совершенного вида, выступающий с отрицанием, получает значение типа ‘упорно отказывается сделать’, ‘все никак не делает’, например, *не даст* ‘упорно не дает’, ‘не хочет дать’, ‘все никак не дает (не даст)’» [Зализняк 2004: 178]. Во всех подобных употреблениях речь идет о конкретной ситуации и некотором ожидаемом событии Р, наступление которого актуально для говорящего в момент речи:

- (1) *а нѣнѣ вода новоѹ женоѹ а мѣнѣ не вѣдасть ничѣто же* (НБГ № 9, 1160–1180 гг.) — «А теперь, женись на новой жене, мне он не дает (букв. не власт) ничего»;
- (2) *како тѣ оу мене и чѣстѣное дрѣво вѣзѣмъ и вевериць ми не при-
сѣлещи (щ в м. ш) то девѣтое лето* (НБГ № 246, 1025–1050 гг.) —

¹ Настоящее исследование проводилось на материале древнерусских текстов, входящих в Древнерусский подкорпус Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ). Основное внимание было сосредоточено на оригинальных древнерусских памятниках (летописях, житиях, словах и др.), однако учитывался также материал и переводных памятников, входящих в подкорпус и представляющих древнерусский перевод.

² Следует оговориться, что в древнерусском языке достаточно большой корпус бесприставочных глаголов (плюс часть приставочных) не был втянут в видовое противопоставление, то есть они оставались неохарактеризованными по виду. Такие глаголы из рассмотрения исключались. О критериях определения видовой семантики бесприставочных глаголов см. [Мишина 2018].

«С тех пор, как ты поклялся мне на кресте (или: взял крест) и не присылаешь (букв. не пришлешь) мне денег, идет девятый год»;

- (3) а водале ми еси хамече. а чн за то не даси а восоли ми вѣсть. а не сестра а вамо оже тако дѣлаете не исправить ми ничето же (НБГ № 644, 1100–1120 гг.) — «Ты дал мне полотнишко; если поэтому не отдаешь (букв. не дашь) [то, что я дала выковать], то извести меня. А я вам не сестра, раз вы так поступаете, не исполняете / никак не исполните / не хотите исполнять для меня ничего!».

За пределами берестяных грамот аналогичные употребления также встречаются (в деловых памятниках, летописях, хождениях), хотя лексически более ограничено: большинство известных примеров представлено глаголом *дати* и его приставочными производными:

- (4) игорь же нача молити къ всеволоду. молбою и гнѣваѣся река. не хоцещи ми добра. про што ми вѣрѣкѣ еси киевъ. а припѣтьи. ми не даси примати (Киев. лет., л. 117а) — «Игорь же начал молить Всеволода и, гневаясь, говорить: Ты не хочешь мне добра. Зачем дал мне Киев, а сторонников (осведомителей³) моих не даешь / не хочешь (не соглашаешься) дать (букв. не дашь) принимать».

Значение «напрасного ожидания», возникающее у формы презенса СВ, напрямую связано с отрицанием, в утвердительных контекстах данное семантическое наращение не образуется. Связано это с тем, что само по себе отрицание (безотносительно аспектуальной семантики) уже вводит ожидание: отрицательное высказывание ‘не-Р’ обычно уместно в ситуации, когда есть ожидание, что Р (см., например, [Падучева 2013: 96] со ссылкой на [Russell 1940]). СВ усиливает возникающий при отрицании семантический компонент «ожидания». Происходит это, по-видимому, за счет того, что в семантике СВ акцент, как правило, делается на завершении действия (его результате), а в случае отрицания — на его ненаступлении⁴. Кроме того, как было показано в [Падучева 1996: 54–56], такие фоновые компоненты, как намерение осуществить действие, ожидание и долженствование, входят у глагола СВ в пресуппозицию, которая не подвергается отрицанию. В результате порождается семантический компонент «напрасности» ожидания.

Данный тип употребления сохранился и в современном русском языке в качестве периферийной конструкции (см. [Зализняк Анна 2015а: 314–329;

³ О значении слова *припѣтьи* в данном контексте см. [Лавренченко 2015].

⁴ В [Падучева 2013: 200–201] выделяется особое контекстно обусловленное значение отрицательного имперфектива — «состояния ненаступления события», реализующееся в сочетании «отрицание + глагол НСВ». В [Зализняк Анна 2015а: 316, 322] предлагается считать значение «презенса напрасного ожидания» близким к «состоянию ненаступления». Предложенная аналогия кажется весьма удачной, однако невозможно согласиться с утверждением о том, что, обозначая состояние, синхронное моменту речи, форма перфективного презенса имеет в данном случае значение актуального настоящего [Там же: 315].

20156; Стойнова 2018]⁵), часто с синтаксическими ограничениями — требуется сочетание с наречиями *никак*, *всё никак*, *всё, до сих пор*, *нигде*: *Всё никак не соберусь отнести часы в ремонт, Он никак не отдаст мне долг; Нигде не найду свои часы*. Следует отметить, что в современном русском языке перфективный презенс в сочетании с отрицанием представлен более многообразными подтипами и вариантами значения (см. их подробное описание в [Зализняк Анна 2015а: 314–329; 2015б]), чем в древнерусских памятниках, где речь, как правило, идет о ситуации, в которой представлено два субъекта: субъект ожидаемого действия сознательно отказывается осуществить это действие, в то время как говорящему (субъекту «напрасного ожидания») этого очень бы хотелось.

К настоящему моменту в древнерусских памятниках «презенс напрасного ожидания» зафиксирован исключительно от глаголов СВ, между тем в современном русском языке в ряде контекстов допускается и НСВ, ср.: *Он никак не отдаст / не отдает мне долг; Зима никак не наступит / не наступает*. Хотя из-за ограниченности древнерусского материала невозможно со стопроцентной уверенностью утверждать, что в подобных контекстах НСВ категорически исключался в древности (возможно, такие контексты просто не встретились), тем не менее имеющийся в нашем распоряжении материал показывает, что с развитием данной конструкции во времени СВ сузил (а возможно, и продолжает сужать?) свое функционирование за счет конкуренции с НСВ. Ряд факторов, влияющих на выбор вида в данной конструкции, описан в [Зализняк Анна 2015а: 320–325]. Так, например, НСВ может смещать акцент на начальную фазу действия: *лифт никак не починят* (= не закончат чинить) / *лифт никак не чинят* (= не начнут чинить), пример из [Там же], и др. Можно также предположить, что в современном языке показателем данного значения во многом становятся сопутствующие местоименно-наречные сочетания (*всё*) *никак* (в древнерусском языке это значение выражалось исключительно видо-временной формой), в то время как выбор формы СВ или НСВ обуславливается видовой семантикой: НСВ фокусирует внимание на моменте наблюдения (констатация факта), а СВ задает ретроспективную точку отсчета, акцентируя внимание на отсутствии результата (ненаступлении ожидаемого события), ср. (5а) и (5б):

- (5а) Море никак не успокаивается. На острове голодно, нужно отплыть на север (НКРЯ: Э. Лимонов. Книга воды. 2002);
- (5б) Однако, сказали мне, вряд ли я пройду в такую погоду по карнизу, там есть небольшой карниз, ступая по нему, можно пройти посуху. Но сейчас слишком свежо, море всё никак не успокоится — были шторма (НКРЯ: А. Иличевский. Перс. 2009).

⁵ Анализ функционирования презенса СВ под отрицанием в вопросительных конструкциях в современных славянских языках см. также в [Войводиц 2015].

1.2. Референция к обобщенной ситуации

К «презенсу напрасного ожидания» примыкают употребления перфективного презенса в контексте отрицания, когда предикация имеет референцию не к конкретной, а к обобщенной атемпоральной ситуации. В этом случае значение перфективного презенса осложняется модальными наращениями. Речь идет об онтологической невозможности совершения действия, отражающей свойства субъекта: *Х такой, что не случится / не может случиться Р*. В такого рода генерических контекстах как в берестяных грамотах, так и в памятниках других древнерусских жанров встречается более широкий спектр глаголов по сравнению с «презенсом напрасного ожидания» (см. п. 1.1):

- (6) ненавидѣи же добра врагѣ. иже и присно боретсѣ съ рабы бѣжи. и не дастъ имъ тако мирно жити. нѣ пакы зѣлыми своими кѣзньми соупротивъ вѣстаетъ (ЖФП, л. 66 об.) — «Не-навидящий добро враг, тот который всегда борется с божьими рабами и (никогда) не дает / не хочет дать (букв. не даст) им мирно жить, но снова восстает (на них) злыми своими кознями»;
- (7) Не приеман же оученья ѿ латынь. ихъ же оученье разъвращено. влѣзъше во въ цркъ(въ) не покланѣтсѣ иконамъ (ПВЛЛ, л. 39 об.) — «Не принимай ученья от латинян. Их же учение развращено. Войдя в церковь, не кланяются / никогда не поклонятся (букв. не поклонятся) иконам»;
- (8) вещь бо сунклитова сица е ни огнь можетъ вжечи юго. ни желѣзо юго приметъ (ПВЛЛ, л. 85 об.) — «Вещь сунклитова тако-ва есть, что ни огонь не может её сжечь, ни железо её не возьмет (не сможет взять)»;
- (9) что роукъ тѣхъ сквернѣиши или оустъ тѣхъ жестѣиши, иже всего алчеть (sic!), а не насытѣтсѣ (Пчела, с. 321) — «Что есть более скверного тех рук или жестче тех уст, которые от всего вкушают, а (никак) не насытятся (не могут насытиться)»;
- (10) нѣ члѣка и не подивитсѣ силѣ и трѣпѣнью и (ИИВ, с. 477) — «Нет человека, который не удивится (не может не удивиться) силе и терпению их».

Значение, выражаемое формами перфективного презенса в приведенных контекстах, обычно определяют как хабитуальное (6)–(7) или модальное со значением возможности/невозможности (8)–(10). Однако следует заметить, что в древних текстах не всегда оказывается легко разграничить употребления перфективного презенса в хабитуальном значении от осложненного модальными наращениями, семантическая разница между приведенными контекстами (6)–(10) не столь очевидна [Мишина 2002]. Для разрешения возникающих вопросов необходимо дополнительное исследование в области модальных и хабитуальных значений и их реализации в

древнерусском языке. Модальное значение, выражаемое в приведенных контекстах, близко к тому, что в работах по модальности называют «внутренней возможностью (способностью)» (participant-internal possibility, по [Auwera, Plungian 1998]) или же диспозиционной модальностью (dispositional modality, по [Kratzer 1981]).

В древнерусском СВ в подобных контекстах конкурирует с НСВ. В случае употребления презенса НСВ акцент делается на генерализации: *Х такой, что не имеет место Р* [Зализняк Анна 2015б: 295], ср., например, в (8) **НЕ ПОКЛАНАТЬСЯ** СВ vs. **НЕ ПОКЛАНАЮТСЯ** НСВ (в более позднем Радзивиловском списке):

- (11) **БѢСИ БО НЕ ВѢДАЮТЪ МЫСЛИ ЧЛѢВЧЕСКОЕ** (ПВЛЛ, л. 60) — «Бесы не знают мыслей человеческих»;
- (12) **По всей грѣчьскѣи земли и области не дають своимъ женамъ попове аже не боудеть иного попа близъ** (Вопрошание, 521об.) — «По всей греческой земле и области не дают попы своим женам (причащение)».

Контексты с СВ, по всей вероятности, были эмфатически более нагружены, по сравнению с контекстами с НСВ. Усилительный эффект, как и в случае с «презенсом напрасного ожидания», по-видимому, возникает за счет сочетания компонента «ожидания» (вводящегося отрицанием) с акцентом на ненаступлении события Р.

Несмотря на существующие отличия между контекстами, рассмотренными в пп. 1.1 и 1.2 (конкретно-референтное / генерическое употребление, возможность/невозможность утвердительных контекстов, употребляется только СВ / представлена конкуренция СВ : НСВ), в сочетании с отрицанием у данных типов употребления перфективного презенса есть общие черты. Во-первых, их объединяет семантический компонент «нарушенной ожидаемости», который, как было сказано выше, возникает за счет взаимодействия семантики СВ и отрицания и, как справедливо отмечается в [Зализняк Анна 2015б: 297], имеет место всегда или почти всегда в контексте «глагол СВ + отрицание» (не только презенса). В случае с референцией к конкретной ситуации выражается следующий смысл: *говорящий считает, что в настоящий момент должно иметь место событие Р, но Р не наступает*. В случае с референцией к обобщенной ситуации семантический компонент ожидаемости может осложняться модальным компонентом гипотетической возможности: *говорящий считает, что Р в целом ожидаемо (желательно) (6), (7) или в принципе возможно (8)–(10)), однако Х такой, что Р никогда не случится*. Во-вторых, по-видимому, в обоих случаях форма перфективного презенса выражала эмфатическую функцию: контексты с СВ отличались большей категоричностью по сравнению с возможным функционированием НСВ [Зализняк 1990: 113; Мишина 2012: 221].

2. Формы имперфекта СВ в сочетании с отрицанием

Как показало дальнейшее исследование функционирования глаголов СВ с отрицанием в ранних восточнославянских памятниках [Мишина 2012; 2017], схожие семантические наращения возникают у глаголов СВ под отрицанием не только в форме презенса, но также в формах имперфекта и действительного причастия настоящего времени.

2.1. Референция к конкретной макроситуации («имперфект напрасного ожидания»)

По аналогии с «презенсом напрасного ожидания» ряд употреблений форм перфективного имперфекта в отрицательных контекстах можно было бы назвать «имперфектом напрасного ожидания»:

- (13) Алѣинопа же пригна къ ѿмѹ заступѹ. и стрѣливше повѣгнуша предъ ѿгры. оугри же погнаша по ни. тако бѣжаще минуша боняка. и бонякъ погнаше сѣка въ тылъ. а алѣинопа възвраташеться вспасть. и не допустаху оугръ впасть. и тако множицею оубиваа. свиша ѣ в мачь (ПВЛЛ, л. 91–91об.) — «Алтинопа же, подскакав к первому ряду и пустив стрелы, побежал от венгров, венгры же погнались за ним, думая, что это Боняк обратился в бегство, а Боняк погнался за ними, рубя их с тыла. Алтинопа же повернул обратно, и не пустил / упорно не пускал (не хотел пустить) венгров назад, и так во множестве убивали их»⁶;
- (14) а двѣдъ игоревичъ сѣдаше кромѣ. и не припустаху кго к собеѣ (ПВЛЛ, л. 92) — «А Давид Игоревич сидел в стороне, и не подпускали (не хотели подпустить) его к себе»;
- (15) вѣшати бо в ты дни игуменъ сѣаго андрѣа. григоринъ <...>⁷ тотъ бо не вѣдаше мѣстиславу въстати ратью по ярославѣ (Киев. лет., л. 108г) — «В это время игуменом монастыря св. Андрея был Григорий <...> И он не давал (не хотел дать) Мстиславу воевать с Ярославом»;
- (16) и рече велѣимъ гласомъ: запрещаетъ ти г(оспод)ь вселукавыи діаволе. бѣсъ же не престанаше меля в жернова (КПП, л. 62 об., с. 63) — «И сказал громким голосом: Господь запрещает тебе (делать это), вселукавый дьявол! Но бес (никак) не переставал (не хотел перестать) молоть жерновами».

⁶ Следует отметить, что в современном русском языке у нас нет грамматической формы, с помощью которой можно было бы на 100 % адекватно перевести имперфект СВ: в случае выбора прошедшего времени СВ теряется значение многократности, в случае выбора прошедшего времени НСВ меняется аспектуальная семантика.

⁷ Здесь и далее в примерах с многоточием в угловых скобках <...> обозначаются случаи, когда для краткости часть текста памятника в примере опускается.

В приведенных выше контекстах выражена референция к конкретной единичной макроситуации в прошлом, внутри которой имело место многократное ненаступление события Р. Как и в рассмотренных в п. 1.1 конструкциях «не + глагол СВ», в значении перфективного имперфекта под отрицанием возникает дополнительный семантический компонент «напрасного ожидания». В описываемой ситуации также принимают участие два субъекта: *напрасное ожидание* одним из них желаемого события Р, как правило, сочетается с *упорным отказом* совершить это ожидаемое действие другим участником ситуации. Однако в отличие от контекстов с перфективным презенсом, представленных в речевом или псевдоречевом режиме (в этом случае субъект «напрасного ожидания» совпадает с говорящим, одновременно являющимся участником ситуации), в контекстах с перфективным имперфектом, представленных в нарративном режиме, в качестве субъекта «напрасного ожидания» выступает один из участников ситуации, не совпадающий с повествователем: ‘...Алтинопа не пустил / не пускал венгров назад, несмотря на их намерение и попытки...’, ‘...Давида Игоревича не подпустили / не подпускали к себе другие князья, несмотря на его желание’, ‘бес не переставал / не перестал молотить жернами, несмотря на полученный запрет...’, ‘...Григорий не позволял / не позволил Мстиславу начать воевать с Ярославом, несмотря на желание (намерение) Мстислава’ и т. п.

2.2. Референция к повторяющейся макроситуации

Встречаются также отрицательные контексты с перфективным имперфектом, отсылающие к повторяющейся макроситуации, внутри которой (каждый раз с её наступлением) имеет место микроситуация: событие Р ни разу не наступило. В этом случае значение имперфекта СВ близко к значению нерегулярной хабитуальности презенса СВ (часто называемому наглядно-примерным). Форму презенса в сочетании с частицей *бывало* возможно использовать как эквивалент при переводе на современный русский:

- (17) егда же прѣспѣаше зима. и мрази люти. и сътоаше. въ прѣбошнѣхъ. въ черевнѣхъ и въ прѣтоптѣнѣхъ. ꙗко прѣмѣръзѣнаше нозѣ его къ камени. и не двѣгнаше ногами. дондеже ѿпоѣху заутреню (ПВЛИ, л. 72) — «Когда же наступала / наступит зима и морозы лютые, стоял / (бывало) стоит в башмаках с прѣтоптаннѣми подошвами, так что прѣмерзали/прѣмерзнут ноги его к камню, и не двѣгал / не двѣнет ногами, пока не заканчивали / не отпоют заутреню»;
- (18) ꙗще прѣнашѣ кому цвѣтокъ. в поюцихъ ѿ брата. мало постѣавъ (...) изѣдаше ис цркви. шѣдъ в кѣлю и оуспѣше. и не възвратѣшѣся въ цркви до ѿпѣтъ. ꙗще ли вержашѣ на другѣго. и не прѣнашѣ к нему цвѣтокъ. стоѣше крѣпѣ въ пѣни. дондеже ѿпоѣху оутреню. и тогда изѣдаше (ПВЛИ, л. 64) —

«Если (бывало) прилипал цветок к кому-нибудь из поющих братьев, тот <...> выходил из церкви и, пойдя в келью, засыпал, и не возвращался в церковь до конца службы. Если же бросал цветок на другого и к тому не прилипал цветок, (тот) стоял стойко, пока не отпоют утренью, и тогда выходил»;

- (19) присла бо Михаилъ. слы Данилоу и Василикоу. река <...> аще коли. хотахъ любовь имѣти с тобою. невѣрнии Галичанѣ не вдадахоуѣ ми (Гал. лет., л. 264 об.) — «Прислал Михаил послов к Данилу и Василку, говоря: “<...> Если в какое-то время я хотел помириться с тобой, невернии галичане (никогда) не давали мне (этого сделать)”».

Обычно употребления имперфекта СВ с отрицанием в хабитуальном значении не выделяют особо среди имперфектов СВ в утвердительных контекстах [Маслов 1954: 68–138; Жолобов 2016: 69–71; Шевелева 2018: 199–201]. Действительно, функционирование перфективного имперфекта с отрицанием в кратно-парных конструкциях принципиально не отличается от функционирования перфективного имперфекта без отрицания. Так, в условных или временных придаточных отрицание на самом деле не вносит никаких дополнительных семантических компонентов, ср. в (18) «аще признаше кому цвѣтокъ...» и «...аще ли вержаше на другаго. и не признаше к нему цвѣтокъ...». Однако представляется, что в некоторых случаях отрицание в сочетании с СВ могло вносить дополнительный эмфатический компонент в значение формы имперфекта. В [Мишина 2012: 226–227] высказывалось предположение о том, что в ряде случаев в хабитуальных контекстах, как и в контекстах, описывающих конкретную ситуацию (см. п. 2.1), в значении имперфекта СВ может возникать компонент «неоправданного ожидания»⁸. На данный момент следует признать, что ввиду крайней малочисленности имеющихся в нашем распоряжении контекстов с отрицательным имперфектом СВ в хабитуальном значении (чуть больше 10), убедительно обосновать данное предположение невозможно. Тем не менее не исключено, что в ряде хабитуальных контекстов (см. в (17)–(19): не двигнаше, не възвраташетса, не вдадахоуѣ), как и в других рассмотренных выше случаях, отрицательный имперфект СВ мог выражать усиленную функцию, по сравнению с имперфектом НСВ, более частотным в подобных контекстах, ср., например, (18) с тем же контекстом в Лаврентьевском списке (л. 65 об.), где вместо имперфекта СВ (не двигнаше) употреблен имперфект НСВ (не двигаше). Эмфатический эффект при употреб-

⁸ В [Жолобов 2016] см. иную точку зрения, отрицающую у форм имперфектов СВ наличие дополнительного семантического компонента «напрасного ожидания». По мнению О. Ф. Жолобова, в семантическом отношении формы имперфекта СВ отличаются от форм имперфекта НСВ только семантическим компонентом дистрибутивной множественности, порождающей эффект экзemplарной наглядности [Там же: 69–71].

лении формы перфективного имперфекта мог возникать за счет сочетания значения многократности, выражаемого формой времени (имперфект), с акцентом на отсутствии результата, выражаемым формой СВ. Такое сочетание фокусирует внимание на том, что действие не произошло ни разу (ср. с употреблением перфективного презенса в п. 1.2). Получается примерно следующий смысл: *всякий раз, когда возникала описываемая ситуация, событие Р не наступило ни разу, несмотря на то, что оно было вероятным или желательным*. У имперфектов НСВ, выражающих хабитуальное значение, подобный эмфатический эффект никогда не возникает, ср.:

- (20) аче кто оу половець оутечашеть. оу городъ. а тѣхъ не въываашеть (Киев. лет., л. 171а) — «Если кто от половцев убежал в город, то тех не выдавали», ср. с (15);
- (21) Бы же по сихъ Болеславоу князю. ѿце исполнишоуся своего безоумья. и не престашеть злок твора. Володимѣроу князю. и Юрькви. (Вол. лет., 891) — «Обезумев, князь Болеслав не переставал творить злые дела князю Владимиру и Юрию», ср. с (16);
- (22) и ѿидеть прочь ѿбѣжався емоу. и не помогашеть. емоу. леть бо имашеть хота городовъ его. (Гал. лет., 836) — «И отошел прочь, обещав ему (помогать). И не помогал ему, замышляя против него, так как хотел (заполучить) его города»;
- (23) такъ бо баше къ всен брати своен верьтливъ. не оуправливаше к нимъ хртъного цѣлованиа (Киев. лет., л. 195в) — «Так как был он изворотлив по отношению ко всем своим братьям: не держал клятв, данных им».

В памятниках древнерусского периода употребления формы имперфекта СВ в сочетании с отрицанием достаточно редки: с одной стороны, по сравнению с употреблением имперфекта СВ в утвердительных контекстах, а с другой — по сравнению с имперфектом НСВ в отрицательных контекстах. Фактически мы имеем дело с единичными примерами (за исключением форм от глагола **дати** и его приставочных производных, составляющих больше половины всех известных форм [Мишина 2012: 224]). Так, например, по данным Древнерусского подкорпуса НКРЯ, на единственный пример с имперфектом от глагола **престати** СВ (**не престанаше** — (16)) насчитывается 11 имперфектов от глагола **престати** НСВ (**не престаше** — (21)), а на единственный имперфект от глагола **пощадѣти** СВ (**не пощадоху**) приходится 11 имперфектов от глагола **щадѣти** НСВ. В целом (по данным Древнерусского подкорпуса) приблизительно на 40 известных отрицательных контекстов с имперфектами от глаголов СВ приходится около 120 отрицательных контекстов с глаголами НСВ (т. е. соотношение СВ : НСВ примерно 1 : 3, а за вычетом форм от глагола **дати** и его производных — 1 : 7).

Таким образом, функционирование имперфектов от глаголов СВ в отрицательных контекстах было архаичным уже в древнерусский период.

В частности, о том, что данной конструкции не было свойственно широкое свободное употребление, свидетельствует тенденция к лексической ограниченности, выражающаяся в частотности образований от определенных корней (например, *-дати*, *-пустити*) и классов глаголов (на *-ити*, с суф. *-ну*), см. [Мишина 2015]. За пределы древнерусского периода формы имперфекта СВ (как с отрицанием, так и без) не выходят, за исключением отрицательных имперфектов от глагола *дати*, а также его приставочных производных. Такое широкое употребление форм от *дати*, по-видимому, объясняется тем, что отрицательные конструкции с этим глаголом имели статус некоторой формульности, приближающейся к застывшим клише, а функционирование отрицательного имперфекта СВ, как и «презенса напрасного ожидания» (см. выше п. 1.1), со временем сужалось за счет уменьшения числа используемых в этих конструкциях глаголов (глагол *дать* и его приставочные производные оказались в этом смысле наиболее устойчивыми, см. [Зализняк 1993: 278; Мишина 2012: 227–228; 2017: 11]).

3. Действительное причастие настоящего времени СВ в сочетании с отрицанием

Семантическое наращение «напрасного, неоправдавшегося ожидания», появляющееся в значении перфективного презенса (см. п. 1.1) и перфективного имперфекта (см. п. 2.1) в контексте отрицания, могло в древнерусском языке возникать и у формы действительного причастия настоящего времени от глагола СВ. В этом случае, как и в контекстах с имперфектом СВ, имеет место референция к конкретной ситуации, в которой присутствуют два участника: один из них выступает в качестве субъекта «напрасного ожидания», ожидая от другого осуществления некоторого действия Р, но этого не происходит, см. примеры (24)–(27): ‘рака никак не хотела двигаться / ни за что не двигалась, несмотря на стремление несущих ее’, ‘черниговцы ни за что не хотели (никак не соглашались) отворить город / не отворяли, несмотря на осаду’, ‘князя не давали / не дали войти в города, несмотря на намерение врагов...’, ‘люди Александра никак не решались перейти реку, несмотря на приказ...’:

- (24) *и вѣставиша и на сани. и еше за вѣжа везоша и. како быша въ двѣрехъ стаа. рака не пондѣши* (ПВЛИ, л. 67) — «И поставили (гроб с Глебом) на сани, и, взяв за веревки, повезли его. И, когда были в дверях, остановился гроб и (никак) не шёл дальше»;
- (25) *подоша к черниговѣ. и черниговѣ затвориша оу градѣ. <...> чернѣговцемъ же не отворишиса. приступиша ко граду* (ПВЛИ, л. 74 об.) — «(Всеволод с Володимиром) пошли к Чернигову. А черниговцы затворились в городе. <...> Поскольку черниговцы не отворяли (не хотели отворять), то осадили город»;

- (26) *кнѣзи же рязаньстии <...> не въпоустаче къ градомъ. вѣгѣхаша противу имъ* (Новг. I лет., л. 121–121 об.) — «Князья же рязанские <...> не подпуская к городам (букв. не впуска), выехали против них»;
- (27) *повелѣ прѣити во емъ на ѡна полъ. <...> ѡни же боаху сѧ, видѣше наводнившю сѧ рѣкоу, егда како раздрѣшатсѧ прѣмости. не дрѣзнуцимъ же имъ прѣити, и по емъ александръ боляръ своѧ съ собою, прѣвое самъ прѣиде, и по немъ прѣидоша вси воѧ его* (Александрия, с. 56) — «Повелел войску перейти на другую сторону. <...> Они же боялись, видя наводнившуюся реку: вдруг как разрушатся мостки. Поскольку они не решались перейти, то, взяв бояр своих с собою, Александр сначала сам перешел, а за ним перешли все его воины».

Формы перфективного имперфекта и действительного причастия настоящего времени СВ в древнерусском нарративе употребляются для описания сходных ситуаций и выражают практически одинаковые значения. Можно сказать, что в данном случае они выступают в качестве функциональных синонимов, что наглядно демонстрируют примеры из Волынской летописи, ср.:

- (28) *прилѣзшимъ же имъ подъ заборолѣ. Ляховѣ поущахутъ на на камень. акы градъ силныи. но стрѣлы ратныхъ не дадохутъ ни выникнути. изъ заборолъ* (Вол. лет., л. 294) — «Когда же они укрылись за заборолами (деревянными оградами), ляхи пускали в них камни, как сильный град, а стрелы воинов никак не давали выглянуть из-за заборол»;
- (29) *потом же придоша к Судомиру. и въестоупиша и со всеѣ сторонѣ <...> и пороки поставиша. и пороком же бьюцимъ не славно. днь и ноць. а стрѣламъ не дадоуцимъ выникнути изъ заборолъ* (Вол. лет., л. 284) — «Затем они пришли к Судомиру и обступили его со всех сторон <...>. И пороки (метательные машины) поставили. Пороки же били, не ослабевая, день и ночь, а стрелы совсем не давали выглянуть из-за заборол».

Следует отметить, что все рассмотренные выше употребления перфективных глагольных форм в контексте отрицания уже в древнейшую эпоху были достаточно редкими, и можно констатировать, что в целом на протяжении исторического периода в русском языке они сужали свое функционирование. Формы перфективного презенса в конкретно-референтных (*Никак не напишу письмо*) и обобщенно-референтных контекстах (*Он никогда вас не подведет*) сохранились в современном русском языке, хотя, скорее, в его разговорном узусе. Что касается форм перфективных имперфектов и перфективных причастий настоящего времени в отрицательных контекстах, то, по-видимому, мы имеем дело с реликтами очень архаично-

го функционирования, так как за пределы древнерусского периода такие употребления практически не выходят, за исключением, как упоминалось выше, образований от глагола *дати*, которые, по всей вероятности, превращаются в застывшие клише и еще какое-то время встречаются в памятниках старорусского периода.

4. Отрицательный императив

В современном русском языке отрицательный императив образуется преимущественно от глаголов НСВ, причем отрицательные формы императива от глаголов разных видов имеют разное значение: императив НСВ — прохибитивное значение, то есть выражает запрет на совершение действия ('не делай Р' — *Не открывай окно!*), в то время как императив СВ — превентивное значение — выражает предостережение (*Только не упади!*), см. [Бирюлин, Храковский 1992: 35; Гусев 2013: 61–62; Zorikhina Nilsson 2013; Добрушина 2014] и др. СВ в значении прохибитива в современном русском языке, как правило, невозможен: *Не включай свет!* (НСВ), ср. **Не включи свет!* (СВ). Значение прохибитива и превентива связывают с контролируемостью (прохибитив) и неконтролируемостью (превентив) действия, несовершенство которого пытается каузировать говорящий. Таким образом, в современном русском языке представлена довольно четкая (за отдельными исключениями) оппозиция прохибитив (НСВ — контролируемое действие) vs. превентив (СВ — неконтролируемое действие). Нарушения возможны, например, в тех случаях, когда какие-то элементы контролируемости/неконтролируемости вносятся в ситуацию. Так, отрицательный императив *не падай* от глагола НСВ, имеющего неконтролируемую семантику, уместен в том случае, когда ребенок падает нарочно (30), а отрицательный императив *не полей* от глагола СВ с контролируемой семантикой в ситуации, когда цветок уже полит (31) [Зализняк Анна, Шмелев 2015а: 48]:

(30) *Перестань! Не падай на каждом шагу!* — неконтролируемое действие, контролируемая ситуация;

(31) *Смотри, не полей мой кактус! Я его уже поливал вчера* — контролируемое действие, неконтролируемая ситуация.

В восточнославянских памятниках древнерусского периода, как и в современном русском языке, в контекстах с отрицанием могли употребляться формы императива от глаголов обоих видов. При этом императив НСВ в целом встречался чаще, чем императив СВ (приблизительно 65 % НСВ : 35 % СВ), что сопоставимо со статистическими данными по современному языку⁹,

⁹ Настоящая статистика основана на данных Древнерусского подкорпуса НКРЯ. Сопоставление статистических данных по формам отрицательного императива СВ и НСВ по различным подкорпусам НКРЯ в хронологической перспективе

однако императив СВ употреблялся шире: не только в превентивном, но и в прохибитивном значении. Таким образом, обозначенная выше функционально-прагматическая оппозиция превентив СВ vs. прохибитив НСВ в древнерусском языке еще не сложилась, а семантическая разница между контекстами с отрицательными императивами НСВ и СВ (и в прохибитивном, и в превентивном значениях) была, по-видимому, обусловлена прежде всего различиями в аспектуальной семантике, на которые накладывались дополнительные семантические и прагматические значения (см. подробнее [Мишина 2020]¹⁰).

Таким образом, отрицательный императив от глаголов НСВ в древнерусском языке выражал значение прохибитива: говорящий может пытаться каузировать прекращение совершения действия, происходящего в момент речи (32), или несовершение некоторого действия (или действий) в ближайшем будущем (33), причем в последнем случае речь чаще идет о потенциально многократных ситуациях. Временной интервал, относящийся к будущему, может практически соприкасаться с моментом речи (начинаться на его границе), как в (34) — *и сейчас не слушай, и в будущем*:

- (32) всѣволодъ же исповѣда всѣ бывшаѣ. и рече ѿ кѣмѣ изъяславъ братѣ не тужи (ПВЛЛ, л. 67) — «Всеволод же рассказал ему о всем случившемся. И сказал ему Изяслав: Брат, не печалься!»;
- (33) и посла предъ ними слѣзъ гл҃а сице. цр҃ю се идутъ к тебѣ варязи <...> расточи ѿ разнѣ. а сѣмо не пущаи ни единого (ПВЛЛ, л. 25) — «И послал перед ними послов, говоря так царю: Вот, идут к тебе варяги, <...> разгони их, а сюда ни одного не пускай»;
- (34) поѣди княже на своѣ столѣ а злодѣевъ не слушаі (Новг. I лет., л. 134) — «Поезжай, князь, на свой престол, а злодеев не слушай».

Часто отрицательный императив НСВ употребляется для запрета нелокализованного во времени действия, потенциально многократного (35)–(36):

- (35) Не приеман же оученыѣ ѿ латѣынѣ. ихъже оученье разъвращено (ПВЛЛ, л. 39об.) — «Не принимай учения от латинян: их учение развращено»;
- (36) хощеши ли съ власти не боятѣ. злаго не твори и похвалитъ тѣ (Сузд. лет., л. 245об.) — «Если хочешь не бояться власти, злого не делай, и (Господь) похвалит тебя».

(подробную статистику см. в [Мишина 2020]) показывает, что соотношение СВ : НСВ в древнерусском языке и современном русском было вполне сопоставимым (примерно 1 : 3) с небольшим уменьшением доли СВ в подкорпусе современного языка.

¹⁰ В функционировании отрицательного императива в старославянском языке наблюдаются схожие тенденции, см. [MacRobert 2013].

Отрицательный же императив СВ может выражать превентивное значение, когда речь идет о предупреждении неконтролируемых или плохо контролируемых нежелательных событий (37)–(38), а также выражать прохибитивное значение (39)–(40), ср.:

- (37) но ты королю своего слова не забуди како же еси реклъ. вже володимиръ състъпнѣть то тобѣ оу галича стоати впатѣ (Киев. лет., л. 163б–163в) — «Но ты, король, своего слова не забудь, какое ты произнес. Если Володимер нарушит клятву, то тебе придется снова стоять у Галича»;
- (38) (а ме)[н]а послааѣ корѣлѣ на каино море а (не помѣшаѣ не испакости каинецамо ни сови присловия возми (НБГ № 286, 1360–1380) — «[А меня (?)] послали к карелам на Каяно море. А ты смотри не помешай, не напакости каянцам и себе не заполучи худой славы»;
- (39) а мѣстислава емше не створите ему ничтоже приведете и ко мнѣ (Киев. лет., 203в) — «А Мстислава, схватив, не делайте (букв. не сделайте) ему ничего (плохого), и приведите его ко мне»;
- (40) матѣви еси молвиаѣ толико мнѣ емати скота боле же за мене скота не поустѣ (НБГ № 550, 1180–1200) — «Ты сказал Матео: “[Лишь] столько (подразумевается: сколько уже собрано) я должен собирать денег (т. е. дани). Больше же ты мне денег не поручай (букв. не поручи)”».

Кроме того, есть контексты, в которых значение императива СВ трудно однозначно определить как превентивное или прохибитивное, ср.:

- (41) и борзо пади на лицѣ своемъ. и поклониса мужу тому. и все еже рече к тобѣ створи не прѣстъпи рѣчи ему в онъже днь приступиши рѣчь его и оумерши (ПВЛИ, л. 98 об.) — «И тотчас пади ниц и поклонись мужу тому, и все, что он повелит тебе, исполни. Не нарушай / Смотри, не нарушь (букв. не преступи) приказаний его. Если же нарушишь, в тот же день умрешь».

Из сравнения употребления императивов обоих видов видно, что в отрицательных контекстах форма императива СВ, как правило, имеет референцию к единичной конкретной ситуации в будущем (42а), в то время как форма императива НСВ — референцию к настоящему моменту (42б) или же обобщенную временную референцию (42в), ср.:

- (42а) чадца не оубоятеса (СВ) нахоженыа ихъ не могуѣтъ бо намъ си безъ бѣа попущенъа створити ничтоже (ЖЛР, л. 95) — «Чада, не пугайтесь/испугайтесь (букв. не убойтесь) их, так как не могут они без божьего попущения ничего сделать»;
- (42б) и рече ангѣлъ не бойса (НСВ). иди путемъ твоимъ къ иерусалму (ПВЛИ, л. 98 об.) — «И сказал ангел: Не бойся! Продолжай свой путь к Иерусалиму»;

- (42в) Аще и мнози злонравци. на тѣ клеветють. то не боятся (НСВ) и (Пчела, с. 661) — «И если многие злые на тебя клеветают, то не бойся их».

Формы отрицательного императива от глаголов обоих видов встречаются в контекстах просьбы/молитвы, причем, как показывает статистика, формы императива от глаголов СВ употребляются чаще, чем НСВ, возможно, именно потому что просьба, как правило, имеет референцию не к обобщенной ситуации (для таких контекстов типичен НСВ), а к конкретной ситуации в настоящем или будущем, ср.:

- (43) уже ны сѧ велите мирити. то не стойте на нашей землѣ. а жизни нашей ни селъ наши не губите (НСВ). но ать изаславъ поидеть въ свои володимиръ. а вы въ свою землю. поидите (Киев. лет., л. 1416) — «Если вы велите нам помириться, то не стойте на нашей земле, и ни жизней наших, ни сёл не губите, но пусть Изаслав пойдет в свой Владимир, а вы в свою землю пойдите»;
- (44) и нынѣ молю ти сѧ: не погуби (СВ) мене, но съблюди мя, яко и азъ тѣ соблюдохъ (Акир, с. 137) — «И теперь молю тебя: не погуби меня сейчас, но сохрани меня в целости, как и я тебя сохранил».

В случае с выбором НСВ *не губите* (43) акцент смещается на настоящий момент (*‘прямо сейчас не губи, а также в будущем’*), что порождает эффект «повышающейся актуальности» и «напряженности момента» («sense of urgency» по [Forsyth 1970: 208–209]). Выбор же СВ (44) акцентирует внимание на конечном результате, в данном случае его ненаступления: для говорящего актуально, что действие не должно достигнуть результата, то есть не должно ни в коем случае произойти. Как уже упоминалось выше, у СВ в сферу отрицания попадает результат. А поскольку значение отрицательного императива СВ состоит из двух частей, то первая часть (*‘говорящий сообщает о том, что может произойти некоторое нежелательное Р’*) не попадает в сферу отрицания, порождая дополнительный семантический компонент ожидаемости наступления нежелательного действия. Дополнительное модальное семантическое наращение *‘ожидается, что может наступить событие Р’*, возникающее за счет сочетания СВ с отрицанием, имеет место как в превентивных, так и в прохибитивных контекстах с отрицательным императивом СВ. Эта особенность объединяет функционирование форм императива СВ в отрицательных контекстах с формами презенса, имперфекта и действительного причастия настоящего времени от глаголов СВ (см. выше п. 1–3). Все это, по-видимому, в ряде контекстов делает отрицательный императив СВ (по сравнению с НСВ) более категоричным (более экспрессивным), как и другие рассмотренные выше глагольные формы СВ в контексте отрицания.

5. Перифрастический прохибитив

В качестве прохибитивной встречается также достаточно редкая в древнерусских текстах отрицательная инфинитивная конструкция, образованная сочетанием частицы **не**, формой императива от глагола **моуи** и инфинитива знаменательного глагола (**не моуи** / **моуѣте** + инф.), о развитии этой конструкции в древнерусском языке см. [Пичхадзе 2008; Мишина 2020]. Смысл данной конструкции можно передать примерно так: *Не смей делать / ни в коем случае не делай Р*. В современном русском языке её аналогом считается конструкция *не (вз)думай(те)* + инф. В древнерусском языке эта инфинитивная конструкция могла образовываться как от глаголов СВ (45), (47), так и НСВ (46), (48):

- (45) **рабе бѣи. молю ти сѧ. не моуи створи ти кѡ дѣла на хлѧпѣ оца моуѡ** (ЖАЮ, 1639–1640, с. 238) — «Раб божий, молю тебя: не смей делать (букв. сделать) этого с холопом моего отца»;
- (46) **грѣхъ великъ кѣтъ в томъ не моуи того твори ти** (Вопрошание, л. 535) — «Грех большой в этом есть, не смей этого делать»;
- (47) **нѣ ты не моуи сѧ оужаснѣти. нѣ запни кмѣ и оузриши славу бѣю** (ЖАЮ, 107–108, с. 164–165) — «Но ты не вздумай испугаться, но пни его (демона), и увидишь славу Божию»;
- (48) **А сиротамъ не моуѣте великон ѡпитѣмъи давати** (Поучение Ильи, л. 177 об.) — «А сиротам не смей большой епитимьи давать».

В древнерусском языке, по всей вероятности, перифрастический прохибитив выполнял эмфатическую функцию (употреблялся при выражении настоятельной просьбы (45), строгого запрещения (46) или настойчивой рекомендации (47)–(48)), придавая высказыванию особую экспрессию. В данной конструкции инфинитивы от глаголов СВ оказываются более предпочтительными, чем от НСВ (СВ встречается в два раза чаще, нежели НСВ¹¹). Анализ материала показывает, что выбор вида, как и в случае с простым отрицательным императивом, во многом был обусловлен аспектуальной семантикой: инфинитив СВ употребляется в случае референции к конкретной ситуации и предпочтителен в контекстах просьбы (45), (50), (52), в то время как инфинитив НСВ обычен в случае запрета потенциально многократного действия в обобщенной ситуации (46), (48).

Таким образом, в древнерусском языке в контексте отрицания обнаруживаются две синонимические конструкции со значением прохибитива (простой отрицательный императив и перифрастический прохибитив), причем в обеих конструкциях глагольные формы СВ часто оказываются эмфатически более нагруженными по сравнению с НСВ, что согласуется с общей тенденцией функционирования форм СВ под отрицанием в древне-

¹¹ Статистику по древнерусским памятникам см. в [Мишина 2020].

русском языке. Очевидно, что простой отрицательный императив СВ был более частотной конструкцией (в исследованных древнерусских текстах на приблизительно 200 отрицательных императивов СВ приходится 25 перифрастических императивов), в то время как перифрастический императив, по-видимому, выступал в качестве более экспрессивной и категоричной конструкцией, ср.:

- (49) **ЛЕВЪ КНЯЗЬ. ПОСЛА СЕМЕНА СВОЕГО ДАДЬКОВИЧА. КО СНОВИ СВОЕМОУ** <...> **РЕКА ЕМОУ. ПОЊДЪ ВОНЪ ИЗ ГОРОДА. НЕ ПОГОУБИ ЗЕМЛѢ** (Вол. лет., л. 305 об.) — «Князь Лев послал Семена, сына своего воспитателя, к своему сыну, говоря ему: Поезжай вон из города, не губи (букв. не погуби) земли»;
- (50) **МОЛИСѦ КНЯЖЕ ТОВѢ И БРАТОМА ТВОИМА. НЕ МОЖѢТЕ ПОГУБИТИ РҮСЬСКЫГѢ ЗЕМЛИ** (ПВЛЛ, л. 88 об.) — «Молим, князь, тебя и твоих братьев: не губите / не вздумайте погубить русскую землю».
- (51) **РѢ ЖЕ К НЕМУ ЕПИФАНЪ. "ЩЕ МОИ ДОБРЫИ. ЧТО ТИ ЕСТЬ. МОЛЮ ТИ СѦ. НЕ ПОТАИ МЕНЕ. ЧАДО** [в др. сп.: **ЧАДА И**]. **СВОЕГО РАБА (ЖАЮ, 5936–5939, с. 440)** — «Сказал же ему Епифан: “Отец мой добрый, Что с тобой? Не утай от меня, твоего чада и раба”»;
- (52) **НЕ МОЖИ ЧАДО МОЕ ОУТАИТИ МЕНЕ НЪ ПОВѢЖЬ РОДИТЕЛЮ** (Чудеса Николы, л. 71б) — «Не вздумай, чадо мое, утаить от меня, но расскажи родителю».

Исследование употребления перифрастического прохибитива в диахронической перспективе показывает, что в истории русского языка в этой конструкции имела место ожидаемая тенденция к сужению функционирования форм СВ и постепенной экспансии НСВ. В древнерусский и старорусский периоды инфинитив СВ преобладает над инфинитивом НСВ (приблизительно 60% СВ : 40% НСВ), но начиная с XIX в. соотношение форм инфинитива СВ : НСВ меняется (по данным современного подкорпуса НКРЯ, НСВ преобладает над СВ примерно в два раза), см. подробнее [Мишина 2020].

6. Поддержка контекста

6.1. О более широком, по сравнению с современным русским языком, функционировании форм СВ в сочетании с отрицанием в древнерусском свидетельствует отсутствие контекстной поддержки, желательной в ряде случаев в современном языке. Так, в современном русском «презентс напрасного ожидания» СВ в контекстах с референцией к конкретной ситуации, актуальной в настоящем (см. выше п. 1.1) обычно сопровождается такими глагольными детерминантами, как: *всё, всё никак, никак, до сих пор не*, а с референцией к обобщенной ситуации: *никогда, нигде, никому*. Отсутствие

детерминантов в минимальном контексте меняет значение неактуального настоящего на будущее (53)–(54). В древнерусском же языке раннего периода подобные глагольные детерминанты в конкретно-референтных контекстах не встречаются совсем (55), а в обобщенно-референтных встречаются (*никогда, всегда*), но могут и опускаться, как в (56):

- (53) Он никак не отдаст мне долг — настоящее (ср. Он не отдаст мне долг — будущее);
 (54) Он никогда вам не поможет — настоящее (ср. Он вам не поможет — будущее);
 (55) вѣ гнѣ промежю собою исправѣ не учинитѣ а мѣ промежю вами погнѣли (НБГ, № 361) — «Вы, господин, между собой никак не договоритесь, а мы между вами погнѣли»;
 (56) влѣзѣше бо въ цркъвѣ не поклонѣтсѣ иконамѣ (ПВЛЛ, л. 39 об.) — «Войдя в церковь, никогда/ни за что не поклонятся иконам».

Употребления отрицательного императива СВ в превентивном значении в современном русском языке в некоторых случаях (хотя и не всегда) предпочтительны (или иногда даже обязательны) с такими детерминантами, как: *смотри, только, у меня, там* (57). В древнерусских же текстах раннего периода подобного рода ограничений нет (см. выше примеры в п. 4):

- (57) *Смотри, не Расскажи* Пете! (ср. **Не Расскажи* Пете!);
Смотрите, не замерзните! / Не замерзните *там*! (ср. **Не замерзните!*).

6.2. В древнерусском языке, как и в современном русском, в целом наблюдается тенденция к ограничению употребления форм СВ, обозначающих многократные (или потенциально многократные) действия кратнопарными или кратно-цепными типами контекста. Данная тенденция касается функционирования форм СВ и под отрицанием.

Что касается форм презенса СВ (58)–(59) и имперфекта СВ (60)–(61), выражающих значение многократности, то за пределами кратнопарных или кратно-цепных синтаксических конструкций они крайне редки:

- (58) Г^н. <...> егда же не повелиши имѣ. языкъ же имѣюще внемѣють (Поучение Владимира Мономаха, л. 79 об., с. 244) — «Господи, <...> когда же не повелишь им [людям], то и язык имея, онемеют»;
 (59) Иже дровѣ не възложитѣ, то погаситѣ огнь, а иже не надметѣсѣ протива гнѣвоу гнѣватисѣ, то съхранитѣ себе (Пчела, с. 188) — «Тот, кто дров не возложит, погасит огонь, а тот, кто не преисполнится гневом в ответ на гнев, сохранит себя»;
 (60) которого же днѣ не оубыашеть кого печаловашеть тогда (Вол. лет., 858) — «В какой же из дней никого не убивал (бывало, никого не убьет), то печалился тогда»;

- (61) аще ли вержаше на другаго. и не принаше к нему цвѣтокъ. стоаше крѣпокъ в пѣнии (ПВЛЛ л. 64) — «Если же кидал на другого, и не прилипал к нему цветок, то стоял крепок в пении».

Формы отрицательного императива СВ не ограничиваются кратно-парным типом контекста, однако в ряде случаев выбор в прохибитивном контексте императива СВ, а не НСВ (более привычного в обобщенно-референтных контекстах со значением многократности, см. об этом выше), по всей вероятности, «навязывается» синтаксической конструкцией: употребление формы презенса СВ в условной части кратно-парной конструкции мотивирует употребление отрицательного императива СВ в главной (62). Сказанное относится и к некоторым контекстам с перифрастическим прохибитивом, включающим инфинитив СВ (63):

- (62) Якоже бо неводъ не удержитъ воды, точію єдины рыбы, тако и ты, княже, не вѣдержи злата, ни сребра, но раздаван людем (Даниил Заточник, с. 16) — «Как невод не удержит воды, только одну рыбу, так и ты, князь, не удержи золото, но раздавай людям»;
- (63) а иже кто (по)кается не можете тяжки заповѣди дати (Почтение Ильи, л. 177 об.) — «А если кто-то покается, не смейте дать ему тяжелое наказание».

7. Выводы

1. В восточнославянских памятниках раннего периода отрицание оказывается значимым фактором контекста, обуславливающим довольно широкое употребление СВ, в частности за счет того, что возникающие в определенных формах противоречия между значением времени и вида в ситуации отрицания могут сниматься.

2. Возникающие у форм СВ в сочетании с отрицанием дополнительные компоненты значения (например, «напрасное ожидание») связаны с семантикой СВ (акцент на результате) и с особенностью функционирования СВ под отрицанием, а именно с тем, что у СВ под отрицание попадает не вся конструкция целиком. Возникающие семантические наращения, как правило, делают отрицательный императив СВ (по сравнению с НСВ) более категоричным и экспрессивным, формы СВ (презенс, имперфект, действительное причастие настоящего времени, императив) в отрицательных контекстах часто выполняют эмфатическую функцию.

3. На основании сравнения функционирования глагольных форм СВ в сочетании с отрицанием в древнерусском и современном русском языке можно сделать вывод о том, что СВ в отрицательных контекстах в целом сузил свой функциональный диапазон и стал употребляться реже на фоне постепенной экспансии НСВ. Так, с исчезновением перфективного имперфекта формы прошедшего времени СВ перестали использоваться в рус-

ском языке для выражения значения многократности (в том числе при отрицании). Значение «напрасного ожидания», выражаемое в древнерусском языке формами презенса, имперфекта и действительного причастия настоящего времени от глаголов СВ, сохранилось в современном языке только в формах презенса, причем наряду с СВ стал возможен и НСВ. В современном русском языке в некоторых случаях для употребления формы презенса СВ стала необходима (или желательна) контекстная поддержка; СВ был вытеснен из сферы прохибитива НСВ; в ряде случаев (как, например, с перефразистическим прохибитивом) НСВ стал намного частотнее СВ, в то время как в древнерусском языке ситуация была обратной.

4. Проведенное исследование функционирования видо-временных форм в отрицательных контекстах (в особенности это касается форм императива) в целом согласуется с гипотезой, высказанной в [Вимер 2015: 587], о том, что историческое развитие оппозиции СВ : НСВ развивалось в направлении от более объективных функций (например, акциональные свойства или кратность) к более субъективным (прагматическим).

5. В древнерусском языке (по сравнению с современным русским) в ситуации отрицания наблюдается более свободная конкуренция между СВ и НСВ (за исключением «презенса напрасного ожидания», где был возможен только СВ), при этом различия в употреблении отрицательных форм императива разного вида объясняются прежде всего аспектуальной семантикой, на которую накладываются дополнительные семантические и прагматические значения. Так, например, семантика контролируемости/неконтролируемости выступает в качестве вторичного фактора, обуславливавшего выбор вида в отрицательном императиве, накладываясь на аспектуальные различия (событийность vs. процессуальность/многократность). СВ, как правило, типичен в контекстах, имеющих референцию к конкретной ситуации, и редок в контекстах, имеющих референцию к обобщенной ситуации (это зона, типичная для НСВ).

6. В современном русском языке, напротив, более широко (по сравнению с древнерусским) представлена ситуация видовой нейтрализации, при этом в ситуации отрицания преобладает немаркированный член (НСВ). Такое развитие согласуется с данными типологических исследований, показывающих, что среди языков мира, демонстрирующих те или иные ограничения в сочетании с отрицанием, при наличии маркированных и немаркированных членов оппозиции под отрицанием выживает немаркированный член [Miestamo, van der Auwera 2011: 13–14].

Источники

Акир — А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. Исследование и тексты. М., 1913.

Александрия — В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893. С. 5–105.

- Вол. лет. — Волынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 848–938.
- Вопрошание — Вопрошание Кирика, Саввы и Ильи // В. В. Мильков, Р. А. Симонов. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель (= Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII). М., 2011.
- Гал. лет. — Галицкая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 715–848.
- Даниил Заточник — Моление Даниила Заточника // Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Пригот. к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1952.
- ЖАЮ — Житие Андрея Юродивого // А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С. 159–450.
- ЖЛР — Житие Леонтия, епископа Ростовского. По списку РГБ, ф. 304 (Тр.-Серг. Лавры), № 745, лл. 94–97 об.
- ЖФП — Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 71–135.
- ИИВ — «История иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Т. I. М., 2004. С. 63–684.
- Киев. лет. — Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. М., 2017.
- КПП — Киево-печерский патерик // Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999.
- НБГ — Новгородские берестяные грамоты // А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Новг. I лет. — Новгородская Первая летопись старшего извода по Синодальному списку // Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская Первая летопись старшего и младшего извода. М., 2000.
- ПВЛЛ — Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001.
- ПВЛИ — Повесть временных лет по Ипатьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001.
- Поучение Влад. Мономаха — Поучение Владимира Мономаха // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 2001. С. 240–256.
- Поучение Ильи — Поучение Ильи Иоанна // А. Попов. Неизданный памятник русского церковного права XII в. // ЖМНП. 1890. Ч. 271. № 10 (октябрь). Отд. II. С. 275–300.
- Пчела — «Пчела»: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. Т. I. М., 2008.
- Сузд. лет. — Суздальская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001.
- Чудеса Николы — Цикл из восьми чудес Николы Мирликийского. По списку РНБ Ф.п.1, 46, кон. XII в. (по древнерусскому подкорпусу НКРЯ).

Литература

- Бирюлин, Храковский 1992 — Л. А. Бирюлин, В. С. Храковский. Повелительные предложения: проблемы теории // Типология императивных конструкций. СПб, 1992. С. 5–50.

Вимер 2015 — Б. Вимер. О роли вида в области кратности и прагматических функций (эскиз с точки зрения хронотопии) // *Глагольный вид: грамматическое значение и контекст = Verbal aspect: Grammatical meaning and context*. R. Benacchio (ред.). München, 2015. С. 586–609.

Войводич 2015 — Д. Войводич. Славянский презенс-футурум совершенного вида в отрицательно-вопросительном контексте // *Глагольный вид: грамматическое значение и контекст = Verbal aspect: Grammatical meaning and context*. R. Benacchio (ред.). München, 2015. С. 573–583.

Гусев 2013 — В. Ю. Гусев. Типология императива. М., 2013.

Добрушина 2006 — Н. Р. Добрушина. Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения // *Вопросы языкознания*. 2006. № 2. С. 28–67.

Добрушина 2014 — Н. Р. Добрушина. Императив. 2014. URL: www.rusgram.ru.

Жолобов 2016 — О. Ф. Жолобов. От праславянского языка к старославянскому: о перфективном имперфекте // *Вопросы языкознания*. 2016. № 3. С. 64–80.

Зализняк 1990 — А. А. Зализняк. Об одном употреблении презенса совершенного вида («презенс напрасного ожидания») // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich / Red. Z. Saloni*. Białystok, 1990. С. 109–114.

Зализняк 1993 — А. А. Зализняк. Презенс совершенного вида в значении «презенса напрасного ожидания» // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 275–279.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Зализняк Анна 2015a — Анна А. Зализняк. Презенс совершенного вида в значении настоящего времени // Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян, А. Д. Шмелев. *Русская аспектология: В защиту видовой пары*. М., 2015. С. 314–329.

Зализняк Анна 2015b — Анна А. Зализняк. Презенс совершенного вида в современном русском языке // *Dekonstruktion und Konstruktion. Zwischen Sprach- und Literaturwissenschaft. Festschrift für Ulrich Schweier zum 60. Geburtstag*. Kubon & Sagner. München; Berlin; Leipzig; Wien, 2015 (= *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 86*). S. 293–316.

Зализняк Анна, Шмелев 2015 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию // Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян, А. Д. Шмелев. *Русская аспектология: В защиту видовой пары*. М., 2015. С. 15–151.

Лавренченко 2015 — М. Л. Лавренченко. «Приятели» русских князей (По текстам летописей за XII век) // *Славяноведение*. 2015. № 2. С. 96–108.

Маслов 1954 — Ю. С. Маслов. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // *Вопросы славянского языкознания*. М., 1954. Вып. 1. С. 68–138.

Мишина 2002 — Е. А. Мишина. Настоящее узусальное и потенциальное в восточнославянских памятниках XI–XV вв. // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*. 2001. М., 2002. С. 199–228.

Мишина 2012 — Е. А. Мишина. «Ситуация напрасного ожидания» и отрицание // *Русский язык в научном освещении*. 2012. № 2 (24). С. 219–241.

Мишина 2015 — Е. А. Мишина. Семантика глаголов и семантика времен в древнерусском и старославянском языках (в свете взаимодействия с аспектуальной семантикой) // *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития*. Сборник статей V Международной конференции Ко-

миссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 2015. С. 164–170.

Мишина 2017 — Е. А. Мишина. К изучению перфективного имперфекта в древнерусском языке (в сопоставлении со старославянским) // *Russian Linguistics*. 2017. Вып. 41 (1). С. 1–15.

Мишина 2018 — Е. А. Мишина. К вопросу о видовой семантике простых (бесприставочных) глаголов в древнерусском языке // *Русский язык в научном освещении*. 2018. № 1 (35). С. 161–182.

Мишина 2020 — Е. А. Мишина. Отрицательный императив в древнерусском языке // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. 2020. № 1. С. 154–181.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Падучева 2013 — Е. В. Падучева. Русское отрицательное предложение. М., 2013.

Пичхадзе 2008 — А. А. Пичхадзе. Перифрастический прохибитив в древнерусском // *Miscellanea Slavica*. Сборник статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского. М., 2008. С. 228–238.

Стойнова 2018 — Н. М. Стойнова. Нефутуральные значения форм будущего времени. 2018. URL: www.rusgram.ru.

Шевелева 2018 — М. Н. Шевелева. Еще раз об имперфекте совершенного вида в восточнославянских памятниках // *Русский язык в научном освещении*. 2018. № 1 (35). С. 183–206.

Храковский, Володин 1986 — В. С. Храковский, А. П. Володин. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986.

Auwers, Plungian 1998 — J. van der Auwers, V. A. Plungian. Modality's semantic map // *Linguistic typology* / F. (Plank ed.). Berlin, 1998. P. 79–124.

Forsyth 1970 — J. A. Forsyth. *Grammar of Aspect: Usage and Meaning in the Russian Verb*. Cambridge, 1970.

Kratzer 1981 — A. Kratzer. The Notional Category of Modality // *Words, Worlds, and Contexts (New Approaches in Word Semantics)* / H.-J. Eikmeyer, H. Rieser (eds.). Berlin; New York, 1981. P. 38–74.

MacRobert 2013 — C. M. MacRobert. The problem of the negated imperative in Old Church Slavonic // *Miklosichiana Bicentennialia. Zbornik u čast dvestote godišnjice rođenja Franca Miklošiča*. Belgrade, 2013. P. 277–291.

Miestamo, van der Auwers — M. J. Miestamo, J. van der Auwers. Negation and perfective vs. imperfective aspect // *From now to eternity (Cahiers Chronos. Vol. 22)* / J. Mortelmans, T. Mortelmans, W. De Mulder (eds.). Amsterdam, 2011. P. 65–84.

Russell 1940 — B. Russell. *An inquiry into meaning and truth*. L., 1940.

Zorikhina Nilsson 2013 — N. Zorikhina Nilsson. The negated imperative in Russian and other Slavic languages. Aspectual and modal meanings // *Diachronic and Typological Perspectives on Verbs* / Ed. by F. Josephson, I. Söhrman (Studies in Language Companion Series 134). 2013. P. 79–106.

Статья получена 30.11.2019

Ekaterina A. Mishina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
kmishina@mail.ru

THE INTERACTION BETWEEN NEGATION AND ASPECT IN OLD RUSSIAN

The paper analyzes the interaction between negation and aspect in the Old Russian language. Negation happens to be a factor that can influence the choice of a perfective vs. imperfective form in a number of contexts. Such influence affects the present, imperfect, participles, imperative, and some other verbal forms in Old Russian texts. In particular, negation is a favorable condition for using the perfective aspect: in negative contexts, Old Russian texts demonstrate a freer competition between perfective and imperfective compared to Modern Russian, while the differences in the use of negative forms in both aspects are explained primarily by aspectual semantics. In some cases, negation can neutralize the contradictions that arise between the meaning of aspect and tense, which determines the non-standard use of some aspectual tense forms, and can also cause the appearance of additional semantic nuances in perfective forms under negation, which makes perfective forms more emphatic. On the whole, the historical development of the opposition of the perfective vs. imperfective aspect under negation has been moving in the direction of narrowing the set of contexts for perfective forms.

Keywords: verbal aspect, negation, perfective aspect, imperative, imperfect, present participle, present tense, Old Russian.

References

- Auwers, J., & Plungian, V. A. (1998). Modality's Semantic Map. In F. Plank (Ed.), *Linguistic Typology* (pp. 79–124). Berlin: Mouton de Gruyter.
- Biryulin, L. A., & Khrakovskiy, V. S. (1992). Povelitel'nye predlozheniia: problemy teorii. In V. S. Khrakovskiy (Ed.), *Tipologiya imperativnykh konstruktov* (pp. 5–50). St. Petersburg: Nauka.
- Dobrushina, N. R. (2006). Grammaticheskie formy i konstruktii so znacheniem opaseniia i predosterezheniia. *Voprosy jazykoznanija*, 2, 28–67.
- Dobrushina, N. R. (2014). *Imperativ*. Retrieved from www.rusgram.ru.
- Forsyth, J. A. (1970). *Grammar of Aspect: Usage and Meaning in the Russian Verb*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gusev, V. Yu. (2013). *Tipologiya imperativa*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Khrakovskiy, V. S., & Volodin, A. P. (1986). *Semantika i tipologiya imperativa. Russkii imperativ*. Leningrad: Nauka.
- Kratzer, A. (1981). The Notional Category of Modality. In H.-J. Eikmeyer, & H. Rieser (Eds.), *Words, Worlds, and Contexts (New Approaches in Word Semantics)* (pp. 38–74). Berlin; New York: De Gruyter.
- Lavrenchenko, M. L. (2015). «Priiateli» russkikh kniazei (po tekstam letopisei za XII vek). *Slavianovedenie*, 2, 96–108.
- MacRobert, C. M. (2013). The Problem of the Negated Imperative in Old Church Slavonic. In J. Grković-Major, & A. Loma (Eds.), *Miklosichiana Bicentennialia. Zbornik u chast dvestote godishnjice rođenja Franca Mikloshicha* (pp. 277–291). Belgrade: SANU.

Maslov, Yu. S. (1954). Imperfekt glagolov sovershennogo vida v slavianskikh yazykakh. *Voprosy slavianskogo yazykoznanii*, 1, 68–138.

Miestamo, M. J., & Auwera, J. van der (2011). Negation and Perfective vs. Imperfective Aspect. In J. Mortelmans, T. Mortelmans, & W. De Mulder (Eds.), *From Now to Eternity* (pp. 65–84). Amsterdam: Rodopi.

Mishina, E. A. (2002). Nastoishchee uzual'noe i potentsial'noe v vostochnoslavianskikh pamiatnikakh XI–XV vv. In *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo yazyka — 2001* (pp. 199–228). Moscow: Drevlekhranilishche.

Mishina, E. A. (2012). «Situatsiia naprasnogo ozhidaniia» i otritsanie. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 219–241.

Mishina, E. A. (2015). Semantika glagolov i semantika vremen v drevnerusskom i staroslavianskom yazykakh (v svete vzaimodeistvii s aspektual'noi semantikoi). In M. Kitadze (Ed.), *Aspektual'naia semanticheskaia zona: tipologiia sistem i stsennii diakhronicheskogo razvitiia. Sbornik statei V Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov* (pp. 164–170). Kioto: Tanaka Print.

Mishina, E. A. (2017). K izucheniiu perfektivnogo imperfekta v drevnerusskom yazyke (v sopostavlenii so staroslavianskim). *Russian Linguistics*, 1, 1–15.

Mishina, E. A. (2018). K voprosu o vidovoi semantike prostykh (bespristavochnykh) glagolov v drevnerusskom yazyke. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 161–182.

Mishina, E. A. (2020). Otritsatel'nyi imperativ v drevnerusskom yazyke. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 1, 154–181.

Paducheva, E. V. (1996). *Semanticheskie issledovaniia. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.

Paducheva, E. V. (2013). *Russkoe otritsatel'noe predlozhenie*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Pichkhadze, A. A. (2008). Perifrasticheskii prokhibitiv v drevnerusskom. In F. B. Uspenskij (Ed.), *Miscellanea Slavica. Sbornik statei k 70-letiiu Borisa Andreevicha Uspenskogo* (pp. 228–238). Moscow: Indrik.

Russell, B. (1940). *An Inquiry into Meaning and Truth*. London: Routledge.

Sheveleva, M. N. (2018). Eshche raz ob imperfekte sovershennogo vida v vostochnoslavianskikh pamiatnikakh. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 183–206.

Stoyanova, N. M. (2018). *Nefutural'nye znacheniiia form budushchego vremeni*. Retrieved from www.rusgram.ru.

Voyvodich, D. (2015). Slavianskii prezens-futurum sovershennogo vida v otritsatel'no-voprositel'nom kontekste. In R. Benacchio (Ed.), *Glagol'nyi vid: grammaticheskoe znachenie i kontekst* (pp. 573–583). München: Verlag Otto Sagner.

Wiemer, B. (2015). O roli vida v oblasti kratnosti i pragmaticheskikh funktsii (eskiz s točki zreniia khronotopii). In R. Benacchio (Ed.), *Glagol'nyi vid: grammaticheskoe znachenie i kontekst* (pp. 586–609). München: Verlag Otto Sagner.

Zaliznyak, A. A. (1990). Ob odnom upotreblenii prezensa sovershennogo vida («prezens naprasnogo ozhidaniia»). In Z. Saloni (Ed.), *Metody formalne w opisie języków słowiańskich* (pp. 109–114). Białystok: Filii UW w Białymstoku.

Zaliznyak, A. A. (1993). Prezens sovershennogo vida v znachenii «prezens naprasnogo ozhidaniia». In V. L. Yanin, & A. A. Zaliznyak (Eds.), *Novgorodskie gramoty na bereste (Iz raskopok 1984–1989 gg.)* (pp. 275–279). Moscow: Nauka.

Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskiy dialect*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zaliznyak, Anna A. (2015a). Prezens sovershennogo vida v znachenii nastoiashchego vremeni. In Anna A. Zaliznyak, I. L. Mikaelian, & A. D. Shmelev, *Russkaia aspektologii: V zashchitu vidovoi pary* (pp. 314–329). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zaliznyak, Anna A. (2015b). Prezens sovershennogo vida v sovremennom rusском yazyke. In E. von Graf, I. Mendoza, & B. Sonnenhauser (Eds.), *Dekonstruktion und Konstruktion. Zwischen Sprach- und Literaturwissenschaft. Festschrift für Ulrich Schweier zum 60. Geburtstag* (pp. 293–316). München; Berlin; Leipzig; Wien: Kubon & Sagner.

Zaliznyak, Anna A., & Shmelev, A. D. (2015). Vvedenie v russkuiu aspektologiiu. In Anna A. Zaliznyak, I. L. Mikaelyan, & A. D. Shmelev, *Russkaia aspektologii: V zashchitu vidovoi pary* (pp. 15–151). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zholobov, O. F. (2016). Ot praslavianskogo yazyka k staroslavianskomu: o perfekktivnom imperfekte. *Voprosy jazykoznanija*, 3, 64–80.

Zorikhina Nilsson, N. (2013). The Negated Imperative in Russian and Other Slavic Languages. Aspectual and Modal Meanings. In F. Josephson, & I. Söhrman (Eds.), *Diachronic and Typological Perspectives on Verbs* (pp. 79–106). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

Received on November 30, 2019